

ЛЮДСКОЕ

18+

ПЕРВАЯ ЛИНИЯ
РАССКАЗЫ
И ИСТОРИИ РАЗНЫХ
ЛЕТ

ОБРАТНО

Макс Фрай

Первая линия. Рассказы и истории разных лет

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11640984

Первая линия. Рассказы и истории разных лет / Макс Фрай: АСТ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-099953-8

Аннотация

Что за линии такие? – спросит дотошный читатель. Сюжетные? Поведения? Защиты? Линии жизни на двух авторских руках – левой и правой? Или же в честь питерских улиц, что на Васильевском острове, такое название? Да ну нет же. Просто линии. Вероятно, прямые. Так, во всяком случае, подсказывает автору его внутренний взор, который всегда прав. И у вас в руках сейчас одна из двух этих линий, несомненно параллельных. В некоторых местах тем не менее пересекающихся. А в остальных – нет, как в школе учили. Потому что вселенная, в которой существует только одна какая-то правда, невозможна. По техническим, как принято говорить, причинам.

Содержание

Вместо предисловия	6
Мифоложки	8
От автора	8
С точки зрения козы[1]	11
Орфей и Эвридика[2]	15
Одиссей	17
Мистерии Буратино[3]	18
Гость	21
Сын Икара	22
Зеркало	24
Мед	26
Загадка Сфинкса	28
Снусмумрик	32
Отражение	34
Прометей	36
Сизиф	38
Голова Олоферна	40
Весь мир	43
Доктор Петер	45
Видение Гюльви	49
Принцесса, рыцарь, дракон	50
Тексты Бориса Цаплина[4]	52
Умная Эльза	52

1001	54
Если все-таки догонит	57
О Золушке	59
Великолепная семерка снова, и снова, и снова	61
Дикие лебеди	63
Волки	66
Проспект Андерсена, 8	68
От автора	68
Девочка со спичками	70
Говорят	78
Так ждал	83
И коньки	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Макс Фрай

Первая линия. Рассказы и истории разных лет

Книга публикуется в авторской редакции.

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*** * ***

Вместо предисловия

Поэт подобен шаману, который сдуру бьет в бубен и идет в Нижний мир.

– Вау! – говорит поэт. – Нифигассе, я в Нижнем мире!

– Вау! – говорят хором обитатели Нижнего мира. – Это кто такой красивый к нам пришел?

– Эй вы там! – Верхний мир стучит им в потолок. – Чего расшумелись?

– Просыпайся! – говорят ему обитатели Нижнего мира. – Тут такие дела творятся!

И Верхний мир просыпается, и от этого случаются всякие удивительные вещи, о которых виновник (шаман, то есть поэт), вполне возможно, не узнает никогда. А может, и узнает. Всяко бывает.

Прозаик же подобен знахарю, у которого в доме трое больных и только что приволокли четвертого. Он собирает травы и варит зелья. Кому-то что-то отрезает, кому-то, напротив, пришивает. Потом тоже берет бубен и идет в Нижний мир, у него там дела. Ему нужно поймать там болезни своих пациентов, построить их по росту и призвать к порядку. Возможно, даже выпороть.

– А, – говорят ему обитатели Нижнего мира, – это опять ты. Как дела?

– Да так как-то потихоньку, – отмахивается знахарь. – А где тут у вас болезнь гражданина N прячется?

– Как будто сам не знаешь. Где обычно.

И обитатели Нижнего мира расходятся по своим делам.

Знахарь тем временем делает свое дело и возвращается домой, в Верхний мир. Там у него кипит котел с лекарством и принесли пятого больного. Второй больной меж тем все-таки помер, зато первый, третий и четвертый пошли на поправку. Знахарь мрачно глядит на пятого больного, с хрустом зевает, берет бубен и снова идет в Нижний мир. А как еще.

Потом, когда он вернется, у его порога будет рыдать семья покойного, зато родственники других пациентов принесут подарки и будут говорить всякие приятные вещи. Знахарь подарки берет, а слов почти не слышит. Он наконец сообразил, в чем была ошибка при работе со вторым пациентом. Это хорошо. Может быть, удастся ее не повторить. Знахарь хочет спать, но в котле булькает зелье, его надо караулить еще полтора часа. Знахарь берет бубен и бьет им себя по голове, чтобы отогнать сон.

Вот примерно такая разница.

Мифоложки

От автора

Короткие тексты такого рода стали появляться у меня в начале 2004 года; в подобных случаях, я знаю, принято говорить, что поначалу они, дескать, предназначались для развлечения небольшой группы друзей, а потом неожиданно оказались гораздо более масштабным и глубоким явлением.

Однако я при всем желании не могу воспользоваться этой традиционной заготовкой. Потому что ни для чего эдакого, в том числе, для тихого умеренно интеллектуального веселья в узком кругу тексты не предназначались, а просто были написаны. Без всякой, стало быть, дополнительной цели. Так получилось.

С другой стороны, у меня вовсе нет уверенности, что тексты эти оказались именно что «масштабным явлением». Чем они определенно стали, так это чрезвычайно удобным способом коротко, глубоко и пронзительно говорить о некоторых важных вещах. И о некоторых не очень важных – тоже.

...Понятно, что сам метод – рассказывать новые истории, опираясь на уже существующий и (по крайней мере, теоретически) массово опознаваемый культурный контекст – суще-

ствовал задолго до меня. Мне принадлежит только название «мифоложки» – столь же легкомысленное и одновременно точное, как лучшие образцы жанра.

Проследив по собственным записям процесс возникновения этого термина, не без удивления обнаруживаю, что первоначально было придумано слово «мифоложь» («миф» + «ложь»), конструкция совершенно прозрачная, но при этом неточная, поскольку искажения мифа в процессе авторской работы над ним вряд ли следует считать именно «ложью»). Вероятно, именно поэтому термин просуществовал в таком виде всего несколько дней, а потом ему на смену пришло название «мифоложка», в фундаменте которого лежат и ерническое «мифоложество» (по аналогии с «мужеложством», «скотоложством»), и нежное уменьшительно-ласкательное от «мифология», и все та же изначальная «ложь», куда от нее денешься.

На мой взгляд, подобная постмодернистская игра с мифами и другими общеизвестными сюжетами имеет смысл только в том случае, когда по ходу дела мы обнаруживаем в нем тайный потенциал (явный-то был реализован в процессе рождения мифа/сюжета) и обрабатываем так, чтобы созидательная мощь многократно возросла.

Если на это нет силы и умения, то лучше отойти и ничего не трогать.

Потому что из любого сюжета можно вырастить новую

Вселенную, и при таком раскладе выращивать что-то меньшее глупо, хотя искушение бывает почти непреодолимо, особенно когда речь заходит о великих мифах. Всех так и тянет уменьшить их, приручить, приспособить к своим маленьким уютным человеческим нуждам. Это понятно и даже вызывает сочувствие, но нельзя не осознавать, что вырастить меньше, чем уже было выращено, – натуральное вредительство.

С другой стороны, имея в руках зерно (то есть осознав миф/сюжет живым, способным к проращиванию зерном), не попробовать его прорастить – значит сгноить посевной материал. Поэтому лучше все-таки пробовать – тем, кто понимает, что делает.

Поэтому мифоложки так притягательны – это ж натурально как горох проращивать. Только что были скучные зерна, и вдруг откуда ни возмись тугие зеленые хвостики, завтра они, может быть, увянут, а может, и нет, мы еще не знаем. И пока мы не знаем, с нами происходит *интересное*.

А самое интересное происходит с тем, кому удастся вырастить свой горох до неба, потому что тогда наш огородник станет Джеком-в-Стране-Чудес, и это само по себе такая высокая награда, что иных не понадобится.

С точки зрения козы¹

Задача

Крестьянину нужно перевезти через реку волка, козу и капусту. Но лодка такова, что в ней может поместиться только крестьянин, а с ним или один волк, или одна коза, или одна капуста. Но если оставить волка с козой, то волк съест козу, а если оставить козу с капустой, то коза съест капусту. Как перевез свой груз крестьянин?

Решение

Ясно, что приходится начать с козы. Крестьянин, перевезши козу, возвращается и берет капусту, которую перевозит на другой берег, где и оставляет, а козу забирает и везет обратно. Здесь он оставляет ее и перевозит волка. Затем, возвратившись, он перевозит козу, и переправа окан-

¹ Видимо, следует пояснить, что история изложена «с точки зрения козы» вовсе не потому, что автору она ближе и понятней, чем точки зрения волка и капусты. Просто коза – единственная, кто, согласно решению задачи, ездит на другой берег два раза. Это важно. (Что же касается точки зрения перевозчика, она в данном случае не только непостижима, но и неинтересна, поскольку поездки с одного берега на другой для него – повседневная рутина.)

чивается благополучно.

* * *

Кроме меня на берегу была еда, свежая и благоуханная. И был зверь, который считал едой меня. Зверь вел себя спокойно, не нападал, не грозил, только косился солнечно-желтым глазом, источал запах желания, нежился предвкушением, так я сама смотрю на еду. Еще на берегу был человек. Он вынуждал зверя держаться на расстоянии от меня, а мне мешал приблизиться к еде.

Человек повел меня к воде. Я пошла с ним, но когда он попробовал загнать меня в лодку, я не захотела. Человек не стал меня бить, просто поднял и поставил в лодку, оттолкнул ее веслом от берега, и кругом сделалась вода, и некуда было убежать. Человек принялся грести. Он вез меня в лодке. А еду мы с собой не взяли.

В лодке не было зверя, поэтому я стояла спокойно.

Потом я забыла про зверя.

Потом я забыла про еду, которую мы не взяли.

Потом я забыла про берег, где остались зверь и еда.

Стало так, как будто мы всегда плыли в этой лодке – я и человек-перевозчик. Вокруг была вода, но я не боялась. Я забыла, что можно бояться.

...Однажды лодка остановилась, человек толкнул меня, и я выскочила на землю. Под ногами стало твердо и спокойно. Вокруг было темно, еды не было. Не было и зверей.

Я вдруг поняла, что это – *другой берег*.

Я еще никогда не была на *другом берегу*. Я вообще не знала, что бывают какие-то берега – *этот* и *другой*. А теперь знала. *Другой берег* – это место, куда попадаешь после того, как тебя везли в лодке.

– *Другой берег* – это место, куда попадаешь после того, как забыл, где был раньше, – сказал человек.

Он сел в лодку и уехал. Я не знала куда.

А я осталась на *другом берегу*. Я стояла и смотрела, как удаляется его лодка. Потом я забыла про лодку. Потом я забыла все. Потом ничего не было. Никогда. Всегда.

Однажды человек вернулся ко мне. Он привез еду и положил ее на землю. Но мне ничего не досталось. Человек погрузил меня в лодку и начал грести. И вокруг сделалась вода. Я вспомнила, что так уже было однажды. Раньше. Давно, всегда. Я вспомнила.

Был еще один берег, не *другой*, а просто берег. Там росла трава, там благоухало и двигалось, там беспокоилось и боялось, там было всякое, все, всегда. Там на берегу был зверь, который смотрел на меня как на еду. И там была я, на которую смотрели, которую вели в лодку, которую увезли, которой там больше нет.

Которой больше нет.

Я вспомнила все о себе. И вдруг испугалась, что сейчас вспомню все, что забывали те, кого перевозили на *другой берег*. Козы, люди и остальные. Я не хотела.

Я закричала. Человек засмеялся.

А потом я все вспомнила.

Мы приехали и вышли из лодки. Волк сидел на берегу. Он был голоден и напуган. Когда мы подошли ближе, он шарахнулся от меня. Он меня не узнал. Я больше не годилась для еды. Я хотела сказать волку, что вернулась с *другого берега*, но не стала. Он бы все равно не понял.

Перевозчик повел волка в лодку, а я осталась. Мне было хорошо.

Здесь был свет, и была вода, и была трава, и был ветер, и мед, и дым, и дрожь, и свист, и звон, и ноздри мои сладостно трепетали, и я – была. Тут, везде, всегда.

Перевозчик вернулся за мной на рассвете. Вытащил лодку на берег, бросил весло. Подошел, сел рядом. Сказал – пора.

И ветер мой стал черен, трава суха, а вода горька, и время мое истекло из меня, и я стала пуста.

Когда мы шли к лодке, я спросила: «Какого черта ты затеял это, Харон?»

А он не ответил.

Орфей и Эвридика²

Орфей, совершив невозможное, спустившись живым в Аид, обнаруживает там Эвридику, вполне довольную загробной жизнью. Она тут популярна, многие мертвые дамы навиваются ей в подружки, а мертвые мужчины мечтают стать ее бойфрендами. Она не спешит, выбирает. У нее уже неплохая работа, и обещают, что скоро будет лучше. По ночам она с компанией объезжает лучшие ночные клубы Аида, по утрам пьет черный подземный кофе и трескает клубнику со сливками из ближайшего адского супермаркета. У нее, словом, все хорошо. И да. Она уже давно забыла, что это – загробный мир. Поначалу помнила, но вот замоталась, закрутилась, клубнички покушала – и забыла. Так в мире мертвых почти всегда случается.

Ну и, ясен пень, когда Орфей объявляет: «Я сейчас уведу тебя в мир живых», прекрасная Эвридика крутит пальцем у виска. «Псих ненормальный. Эскапист», – говорит.

И Орфей сидит как дурак на адской табуретке в подземной кухне своей мертвой возлюбленной, пьет кофе, песен не поет (соседи потому что за тонкой адской стеной), а потом встает и уходит – как дурак, опять же. А что делать?

² Этот текст – моя самая первая мифоложка. Сразу следом за ним, в тот же день был написан следующий, про Одиссея. Ну а потом понеслось; восстановить точную хронологию теоретически можно, но, по-моему, вполне бессмысленно.

Так разбиваются сердца.

Одиссей

Одиссей, движимый не то чувством долга, не то обычной сентиментальностью, наконец возвращается в Итаку. Ступив на берег, с тоскливым отвращением оглядывается по сторонам. Он и забыл, какая жухлая трава на этом побережье.

Дело не в том, что Итака такое уж паршивое место. Вовсе не паршивое. Просто того человека, который царствовал на этом островке и любил Пенелопу, давным-давно нет. А новый, возмужавший и умудренный странствиями-мытарствами, побывавший в подземном царстве, слышавший сирен и говоривший тет-а-тет с самой Афиной, понятия не имеет, как и зачем можно жить в Итаке, каждый день ходить на службу, работать тутошним царем без выходных и праздников, без особых надежд на государственный переворот даже.

Под покровом ночи он пробирается в свой дворец, прикинувшись тенью умершего, называет Пенелопе имя наиболее достойного из женихов. Замирает на пороге комнаты сына, чешет в затылке, понимает: «Мне нечего ему сказать» – и возвращается в лодку, где его уже ждут хатифнатты.

У них есть Барометр.

Мистерии Буратино³

Буратино проводит ночь на дереве, повешенный вниз головой, связанный по рукам и ногам мнимыми разбойниками.

Алиса, Базилио – кто они на самом деле?

Хороший, очень хороший вопрос.

Трудно не предположить, что лиса родом из Поднебесной; возможно, демонстрируя всем желающим свой рыжий хвост, она скрывает под лохмотьями нищенки еще девятьсот девяносто девять.

Кот, вероятно, законный наследник древних египетских мистерий. В сущности, происхождение кота мало что меняет.

Черный пудель Артемон, снявший Буратино с Древа, отлично дополняет картину, и без того вполне зловещую.

...Дальнейшие события вполне закономерны. Изучение грамоты (уж не Каббалы ли?) начинается с магического перевертыша *арозаупаланалапуазора* и продолжается в темном подвале с пауками. Ясно, что дело вовсе не в провинности ученика, просто некоторые формулы нельзя заучивать

³ Очень забавно было обнаружить среди мифоложек текст, предваряющий (и даже предсказывающий) появление «Ключа из желтого металла», о котором в ту пору никто, понятно, даже и не думал.

при солнечном свете. Это, надеюсь, понятно.

Ритуальное захоронение монет ночью на пустыре, объявленном Полем Чудес, да еще и в Стране Дураков, под руководством все тех же Алисы и Базилио – добровольное расставание с имуществом во имя обещанного чуда. В тайных братствах такое практикуется. Только после этого становится возможна встреча с Черепахой и обретение Ключа.

Как во всякой хорошей истории о Пути, ключ приходит прежде знания о том, как им воспользоваться. Знание это приходится добывать самому, с трудом и риском, ибо тайной владеют враждебные жрецы: экстатический кукольник и нечестивый знахарь. С самого начала ясно, что Ключа им не видать как своих ушей. Такова, увы, участь всех теоретиков.

Наконец знание о Ключе обретено. Как водится, оно обескураживает нашего героя: оказывается, волшебная дверь в неизвестное была у него под носом с самого начала; путь за Ключом и знанием о Ключе уводил странника все дальше от Двери. Теперь пора возвращаться.

Финал известен всем, но полностью понятен лишь немногим посвященным в Мистерии Буратино. Дверь благополучно открыта; что за ней – иное измерение, иная жизнь, лишь на первый взгляд похожая на осуществление былых желаний?

Мы можем лишь предполагать, но и этого достаточно.

Историй, кажется, даже не четыре, а всего одна. История о долгом поиске Двери, которая с самого начала была совсем рядом, на расстоянии вытянутого носа. С точки зрения пристрастного (очень пристрастного) читателя, конечно. Конечно.

Гость

Чудовищный Гость с Того Света медленно, но неумолимо приближался. От его тяжелой поступи содрогался весь дом, стекла дребезжали в оконных рамах, крошились каменные ступени. Дон Гуан хранил невозмутимость, даже бровью не повел. Стоял, скрестив руки на груди, ждал. Наконец дверь распахнулась и уродливый гигант застыл на пороге, озаренный неверным пламенем светильника и от того еще более кошмарный.

– Сейчас обниматься ползет, – с некоторой досадой заметил Дон Гуан. – Знаю я его.

В полном соответствии с предсказанием чудовище немедленно заключило Дона Гуана в объятия. Дон Гуан уж насколько был крепок, но тут чуть не задохнулся. Однако устоял.

– Смотри и запоминай, – сказал он. – Вот так выглядит мой Союзник, Карлитос.

Сын Икара

Икар, вопреки слухам, не разбился, а был спасен небольшим отрядом крылатых дев, судя поговору, чужестранок. Их тронуло его щенячье мужество, насмешили искусственные крылья.

Одна из дев взяла Икара к себе жить; вскоре он привязался к спасительнице настолько, что прощал ей даже свое исковерканное имя: она почему-то не могла выговорить «Икар» и называла его Карлом – так ей было привычнее. Зато летать в объятиях возлюбленной оказалось куда комфортнее, чем при помощи громоздких крыльев отцовского производства. Рядом с нею Карл (Икар) был совершенно уверен, что однажды долетит до солнца: не сегодня, так завтра. Или через год. Какая разница?

С Дедалом Икар (Карл) больше не встречался и даже не писал: знал, что отец начнет скандалить, до конца жизни будет упрекать за нарушение инструкции, а семейных сцен он терпеть не мог.

Зато с валькирией Скёгуль они жили душа в душу; их союз не омрачило даже рождение сына, который вопреки тайным надеждам матери пошел в отцовскую породу: родился бескрылым. Все же она любила и баловала сынишку, хоть и стыдилась немного его «инвалидности».

Когда мальчик подрос, выяснилось, что он удался не столько даже в отца, сколько в деда: с утра до ночи возился с какими-то хитроумными механизмами. Изобретал летательный аппарат. Сперва это было невинной игрой, но с годами, когда сын крылатой девы и Карла-Икара окончательно повзрослел, стало настоящей страстью.

Взглянув на результат его многолетних трудов, мать пришла в ужас: накладные крылья мужа в свое время ее умилили, но это новое искусственное приспособление для полетов показалось ей кощунством, уродством и убожеством.

Устав спорить с матерью, сын ушел из дома, поселился в крошечной мансарде, арендованной за смешные деньги, благо хозяин дома уже отчаялся найти жильца для этого «скворечника». Жил не тужил, был сам себе хозяин, спал до полудня, варил какао на маленькой плитке, много гулял, по вечерам всласть возился со своими железками. Чем не житье для мужчины в самом расцвете сил?

– С крыльями любой дурак летать может. А вот ты попробуй как я полетай, – добродушно ворчал сын Карла и валькирии, прилаживая моторчик к своему пропеллеру.

Он решил, что надо бы все-таки навестить родителей, и заранее репетировал будущий спор с матерью.

Зеркало

Она с отвращением глядит на собственное отражение. Моргает спросонок, щурится близоруко, но и без того все очень хорошо видно. Слишком хорошо.

«Ужас, – думает она. – Нет, ну действительно ужас же! Мешки под глазами, хуже, чем у мамы. Подбородок – да, я давно подозревала, что он двойной, но он же тройной на самом деле. Жирная стала свинья, тошно-то как! А цвет лица... Нет, это не цвет лица уже, это цвет мочи Химеры – в лучшем случае. Ничего удивительного: когда я в последний раз спала по-человечески? То-то же... А волосы, волосы как свалялись! Это уже не просто космы, это же змеи натуральные. Того гляди зашипят...»

«Все бы ладно, – думает она, – но юноша этот красивый, совершенно в моем вкусе, он тоже меня видит. Такой, какая есть, а есть – хуже не бывает. Он зачем-то ведь шел сюда, на край света, – специально ко мне, так, что ли? Наслушался историй о моей былой красоте, собрался да и пошел, так часто бывает с юношами. Ну вот, пришел, поглядел. Бедный. А я-то, я-то какая бедная!»

Лицо юноши, вполне бесстрастное и сосредоточенное, ес-

ли приглядеться повнимательнее, все же выражает не то страх, не то отвращение. «Скорее второе, – говорит себе она. – С чего бы ему меня бояться? Просто противно, да. Мне бы тоже было противно на его месте... да мне и на своем месте противно. А стыдно, стыдно-то как! В таком виде предстать перед незнакомцем... А он же еще небось видел, как я сплю. На земле, враскоряку, раскинув дряблые ноги... Умереть от стыда можно! И честно говоря, нужно. Что мне еще теперь остается?»

И она умирает от стыда. Сказано – сделано.

Персей так толком и не понял, почему зеркальный щит произвел на Медузу столь сокрушительное впечатление. Но на войне важен результат, а понимание – дело десятое. Так он тогда, по молодости, думал.

«Красивая какая, – с сожалением вздыхал Персей, отделив все еще полезную голову Медузы от ненужного больше туловища. – Жалко ее».

Мед

Мучительно хотелось меду. Так нужен был ему мед – хоть плачь.

Но он не плакал. Он летел, все выше и выше, стремительно приближался к древесной кроне, почти бесконечно далекой от земли. Бормотал под нос: «Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь...»

Он, конечно, не был тучей, да и медведем, строго говоря, не был. Но полет должен сопровождаться песней, хоть какой-нибудь, так ему тогда казалось. Вот и напевал свою кричалку-сопелку за неимением лучшего. Получалось не слишком складно – ну да с чего бы ему вдруг заговорить складно? Меда-то как не было, так и нет.

Он поднимался все выше и выше. В какой-то момент ему показалось, что предприятие на сей раз вполне может увенчаться успехом, но нет. Опять ничего не вышло. Его заметили, узнали, ему дали отпор, как всегда.

Как всегда.

...Падение было не столько болезненным, сколько унижительным. Благоуханный мед по-прежнему оставался недоступным.

В тот день Один окончательно убедился, что украсть или взять силой Мед Поэзии не получится. Раздал воздушные шарики валькириям и пошел договариваться о честном обмене.

Загадка Сфинкса

Прежде чем прыгнуть со скалы, Сфинкс шепчет на ухо Эдипу еще несколько слов. Эдип слышит его последнюю загадку вполне отчетливо, но ничего не понимает. Он ошарашенно качает головой, пожимает плечами и идет в Фивы – царствовать.

Время не стоит на месте. Эдип царствует, фиванцы млеют под жесткой его дланью, супруга Иокаста окружает Эдипа воистину материнской заботой и исправно рождает ему детей. Все у них в порядке. Но царственное чело хмурится все чаще, хотя никаких причин для огорчений у Эдипа нет.

Пока – нет.

На самом деле он, конечно же, не может забыть последние слова Сфинкса. Поначалу вопрос чудовища показался ему нелепой шуткой, издевкой, жалкой, неудачной местью обреченного; теперь же фиванский царь нередко засиживается за полночь в тронном зале: только тут ему удастся спокойно подумать.

...Идут годы. Дети растут, Иокаста держится молодцом, мощь Фив крепнет, а Эдип посвящает последней загадке Сфинкса все больше времени. По правде сказать, он уже почти не способен думать о других вещах. Однажды ему гово-

рят, что в Фивах началась эпидемия; как царь, он обязан принимать меры. Это чрезвычайно раздражает Эдипа, поскольку отвлекает от размышлений над загадкой.

Во дворце появляется местная знаменитость, любимец богов, слепой пророк Тиресий. Его тон кажется Эдипу высокопарным, а жесты – излишне театральными, но, вероятно, таковы все пророки, а значит, надо терпеть. Царь ожидает от гостя помощи, но речи Тиресия нагнетают истерику, царский тесть Менекей зачем-то кидается вниз со скалы, Иокаста плачет и сдуру именует своего супруга «сыночком», придворные верещат как зайцы, дети и горожане орут на разные голоса. Называют его, своего господина и повелителя, «отцеубийцей». Бегают, размахивают руками, мельтешат. Эдип толком не понимает, что случилось, но все это очень мешает сосредоточиться на главном.

Да, именно. На главном.

С удивительной ясностью Эдип вдруг осознает, что цель его жизни – вовсе не благополучие Фив и уж тем более не счастливая семейная жизнь. Он родился для того, чтобы найти ответ на последний вопрос Сфинкса. Бывают и такие судьбы.

Чтобы роскошь и суэта дворца не отвлекали его от размышлений, царь выкалывает себе глаза золотой пряжкой Иокасты, благо ее украшения разбросаны по всему дому. Поначалу тьма приносит облегчение; Эдипу кажется: еще немно-

го, и он все поймет. Но тут его окружают придворные, и одни докладывают, что у супруги его Иокасты хватило ума покончить с собой, а другие просят отдать распоряжения касательно погребения покойной царицы. Появляется Тиресий и требует гонорар. Дети хором оплакивают мать и наперебой требуют новые колесницы и модные в этом сезоне туники до середины бедра. Они теперь сироты, их надо баловать.

Заткнув уши, изрыгая проклятия, Эдип покидает дворец, а затем и Фивы. Жизнь слепого изгнанника нелегка, но бывший царь не жалуется. Теперь у него есть тишина, темнота и одиночество. Антигона, любимая дочка, следует за отцом, присматривает за ним, кормит и совершенно не мешает его размышлениям. Она умница. Наконец-то Эдип может спокойно обдумать последние слова Сфинкса.

Впрочем, нельзя сказать, что он делает успехи. Ответа на бессмысленный вопрос чудовища как не было, так и нет.

Однажды за Антигоной увязывается какой-то юный болван, и она, отчаявшись отделаться от непрошеного ухажера, отвечает ему звонкую пощечину. Встрепенувшись, Эдип заинтересованно спрашивает: «Что это было?»

«Пощечина, папа. Просто пощечина», – потупившись, отвечает Антигона. Ей стыдно за собственную горячность, но Эдип восторженно восклицает: «Молодец, дочка!» – и принимается хохотать.

«Что ж, — отсмеявшись, говорит он, — вот он, значит, какой, *хлопок одной ладонью!*»

Впрочем, просветления Эдип так и не получил.

Снусмумрик

Заря едва занялась, а Снусмумрик уже шагал по лесной тропинке, наигрывая на губной гармошке бодрую дорожную песенку. Гостеприимный Мумми-Дол остался уже далеко позади, но Снусмумрик не унывал.

Он вообще никогда не унывал, отправляясь в путь: ведь ему предстояло увидеть великое множество интересных вещей и, возможно, пережить самое что ни на есть Настоящее Приключение, о каком его юный приятель Мумми-Тролль мог только мечтать. К тому же в кармане Снусмумрика лежал сверток, оладьи с малиновым вареньем, приготовленные ему в дорогу заботливой Мумми-Мамой, память хранила великое множество новых песенок, кусты вдоль тропинки пестрели ягодами, а до зимы было так далеко, что и думать о ней не имело смысла. Что за удачное стечение обстоятельств!

Сейчас Снусмумрик сам с трудом верил, что когда-то давно (он был в ту пору много моложе и гораздо серьезнее, чем теперь) подобная судьба казалась ему проклятием. Впрочем, великое множество людей до сих пор верит, будто он стал странником в наказание за какие-то дурацкие грехи. На самом-то деле трудно изобрести более желанную награду.

Подумав об этом, вечный скиталец, известный обитателям Мумми-Дола под именем Снусмумрик, рассмеялся, лихо сдвинул на затылок зеленую шляпу и сказал себе вслух, чего с ним давненько не бывало: «Жизнь твоя воистину прекрасна, Агасфер! И хорошо, что она никогда не закончится».

Отражение

Погода была безветренная. Поэтому рано утром он отправился к озеру. Как всегда, неподвижно стоял на берегу, затаив дыхание, вглядывался в зеркальную поверхность. Ждал неведомо чего, ни на что особо не надеясь. Просто знал откуда-то (догадывался? сердцем чуял?), что всякое зеркало – вход в неведомое, а отражения (в том числе и его собственное отражение) – тамошние жители, свидетели небывалых дел, возможно – даже проводники.

Словом, он отлично понимал, *зачем* каждый день ходит на берег озера, хоть и не представлял, конечно, как именно все случится. Только смутно надеялся, что случится – ну хоть что-нибудь. Хоть как-то. И дал себе честное слово, что не упустит шанс.

Ну и не упустил. Когда зеркальная озерная гладь вдруг превратилась в прозрачную (рожденный задолго до изобретения стекла, он никогда не видел ничего подобного) дверь, створки которой бесшумно раздвинулись, приглашая его войти, он не мешкал ни минуты.

– ...Представляешь, эти болваны думали, будто я без ума от собственной внешности и с утра до ночи бегаю к озеру любоваться: какой я красавчик. Это же надо было додуматься! – жаловался Нарцисс улыбке Чеширского кота, в чьи обязанности входило развлекать гостя, когда хозяин исчезает по

делам.

Прометей

Люди тихо подвывали от ужаса. Еще час назад они громко визжали, но с тех пор успели – не то чтобы успокоиться, но изрядно утомиться.

Прометей в триста восемнадцатый примерно раз повторял объяснения: это огонь, он не страшный, а полезный, он дарит свет и тепло, и еще на нем можно жарить мясо, только нужно аккуратно с ним обращаться. Несколько простых, очень простых правил техники безопасности, и все будет окей.

Это таинственное «окей» пугало людей почти так же сильно, как огонь. Но они очень старались держать себя в руках.

Прометей говорил, объяснял, показывал, демонстративно изжарил восемь бараньих ног и даже наскоро соорудил чесночный соус, а люди пялились на языки пламени и тихонько подвывали от ужаса. Они ничего не понимали. Ничегошеньки.

Наконец Прометей исчерпал все свои объяснения, аргументы и добрые чувства заодно. Сказал напоследок: «Ну, смотрите, поаккуратнее с ним» – и зашагал прочь.

Как только титан скрылся в ближайшей оливковой роще,

вождь племени приободрился, прекратил выть и дал команду остальным мужчинам: вперед!

Они бесстрашно приблизились к огню. Ужас сменился веселым азартом и законной гордостью воинов. Сейчас безопасность племени зависела только от них, мужчин. Это было, черт побери, приятно.

– Я же тебе говорил, идиот: они всегда его гасят, – Зевс ухмыльнулся и подмигнул Прометею, который с печалью и отвращением наблюдал, как облагодетельствованные им дикари мочатся на божественный огонь.

Зевс понял, что перегнул палку, и сменил тон.

– Я уж сколько молний в них метал, все без толку, – сочувственно сказал он. – Но я не унываю: рано или поздно найдется какой-нибудь умник, поймет, что огнем можно не только шерсть на задку подпалить, но и руки погреть, и все устаканится. В нашем деле быстро не бывает.

Сизиф

Иногда Сизифу бывает позволено передохнуть. То есть не сразу бежать вниз по склону горы за укатившимся камнем, а присесть на вершине, достать бутылочку пивка, баночку с молодой картошкой, вынуть из-за пазухи нагретый солнцем, соленный от пота помидор. Выпить, перекусить, закурить неспешно после сладкой, сытой отрыжки. А камень – что ж, камень пусть полежит внизу. Никуда не денется.

Впрочем, Сизиф нет-нет да и взглянет вниз: как там камень? Понимает, что нет дураков присваивать такое сокровище, но все равно немного нервничает. А вдруг?

В часы отдыха Сизифа иногда навещают дети и внуки. Приносят гостинцы, глядят сочувственно, жалеют старика. Впрочем, сам Сизиф совершенно уверен, что они уважают его упорство и, возможно, даже завидуют. Только виду не подают.

– Смотрите на меня, дети, – снисходительно говорит он. – Смотрите и учитесь. У всякого человека должно быть свое дело. Без дела жизнь становится пустой и никчемной. Вы уже взрослые, а ни у кого из вас еще нет ни камня, ни горы. Мне стыдно за вас, шалопаи!

«Шалопаи» соглашаются с Сизифом, наперебой хвалят

его упорство, говорят, что такого огромного камня и такой высокой горы ни у кого в мире больше нет. Наспех сочиняют утешительные новости, рассказывают о завистливых пересудах соседей, восхищенном шепоте юных дев, высокопарных клятвах пылких мальчишек, которые якобы мечтают поскорее вырасти и повторить судьбу Сизифа.

Они хорошие дети и не станут огорчать старика.

Голова Олоферна

Поначалу, когда прекрасная Юдифь принесла Голову Олоферна в Бетулию, Голова произвела настоящий фурор. На нее ходили смотреть защитники города с женами и детьми, мудрые старейшины и малолетние рабы пялились на Голову с одинаковым выражением восторженного отвращения, а одна слепая старуха тщательно ощупала Голову, чтобы узнать, как выглядел при жизни грозный полководец. В точности так же она водила чуткими пальцами по лицам своих возлюбленных, страстно желая навсегда запечатлеть в памяти их черты; впрочем, последний возлюбленный оставил ее давным-давно, так давно, что Голова Олоферна в ту пору была еще младенческой головкой, покрытой золотистым пушком.

Потом, когда сражение было выиграно, о Голове забыли. Она как следует проявилась на солнце, стала маленькой, твердой и очень прочной. Время было не властно над Головой, она пылилась в подвале дома Юдифи и тосковала от одиночества и невостребованности, как рок-звезда на пенсии.

Шли годы. Юдифь умерла; пришел срок, и внуков, и правнуков ее навестила Разрушительница Наслаждений. Дом переходил из рук в руки, новые владельцы пристраивали к

нему то верхние этажи, то флигели; в начале очередного ремонта вход в подвал был замурован и забыт окончательно. О Голове Олоферна, которая к этому времени изрядно рехнулась от одиночества и тоски, и подавно не вспоминали.

Чарующие и тревожные видения посещали Голову. Мерещилась ей зелень заповедных лесов, сочные травы лугов, аромат цветущих роз и палой листвы щекотал ноздри, а иногда в ее грезы вторгался ужасающий образ великолепного огненного зверя. Зверь сулил Голове гибель – окончательную, сладостную и желанную. Голова Олоферна вполне могла бы сказать себе, что зверь послан завершить дело, начатое Юдифью, но Голова уже давно забыла Юдифь.

И не только ее.

Голова вовсе не помнила прошлого, зато все еще умела мечтать о будущем. Голове казалось: если найти способ выбраться из замурованного подвала, если увидеть небо, если хватит сил не остановиться на полпути, а катиться и катиться, не зная отдыха, можно будет в конце концов укатиться за линию горизонта, а там...

Неизвестно, конечно, что ждет ее там.

Наверное, счастье – в образе огненного зверя. И еще аромат роз.

Надежда выбраться из подвала была невелика, но Голова готовилась к побегу, как могла. Прогрызла ветхую ткань, в которую была завернута, освободилась, подкатилась побли-

же к двери. Затаилась.

В конце концов, когда очередные домовладельцы, пожилые супруги, вскрыли замурованный подвал и сунулись туда в поисках древнего клада, Голова исполнила свой план. Сбежала. Осторожно перекатилась через порог, огляделась. Солнечные лучи переполнили пустые глазницы Головы, испепелили жалкие остатки ее разума. Голова расхохоталась и покатилась, не разбирая дороги, – вперед, к линии горизонта.

Когда небольшой серый зверек попытался остановить странный круглый предмет, который показался ему скорее забавным, чем устрашающим, Голова, так и не уразумев, что происходит, лязгнула гнилыми остовами древних зубов и прохрипела: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...»

Она совершенно не понимала смысла этих слов, но повторяла их как мантру.

Весь мир

Прогнав дурочку Герду, чтобы не мешала работать, забыв про сон и еду, утирая ненужными меховыми рукавицами вспотевший от напряжения лоб, прикусив от досады губу, он переставлял с места на место скользкие, непослушные, почти бесформенные льдинки.

Когда труд его был завершен, Кай не почувствовал радости – только тупую боль в висках и опустошенность, не слишком похожую на облегчение. Согласно договору, отныне весь мир действительно принадлежал ему, но он больше не знал, что делать с этой игрушкой, а о новых коньках и вовсе не вспоминал. Не до них теперь.

Снежная Королева была довольна.

– Что ж, составлять слова из букв ты уже умеешь, – сказала она. – Дело за малым.

Небрежно погладила его по голове, неожиданно сжала пальцы на затылке – так, что он уже не мог ни высвободиться, ни отвернуться. Приказала:

– Открой рот.

– Что вы собираетесь делать? – испуганно спросил Кай.

– Ничего из ряда вон выходящего. Небольшая формальность напоследок. Вырву грешный твой язык, *и празднослов-*

ный, и лукавый.

Доктор Петер

Устами многочисленных повествователей, подробно, на разные голоса, чтобы для всякого слушателя нашлась версия по росту и разумению, история рассказывает нам о докторе Фаусте, но упорно умалчивает о его ровеснике, соседе и ближайшем друге по имени Питер.

На фоне трагедии Фауста это персонаж скорее малозначительный, чем загадочный, однако справедливости ради надо бы рассказать и о нем.

Полвека назад старик приехал из Англии ради изучения математики и философии. Он – так часто случается с людьми увлеченными и рассеянными – сам не заметил, как осел на чужбине, остепенился, женился, завел дом, разбил сад и в конце концов стал профессором того самого университета, куда явился в надежде получить ответы на все вопросы бытия, а выучился лишь ни о чем не спрашивать да еще скрывать от незрелых студенческих умов, что ответов на дурацкие их вопросы не существует. Коллеги, супруга и дети звали его на немецкий манер Петером, а он так прижился в Германии, что уже не чувствовал разницы.

Шли годы, доктор Петер овдовел, выдал за своих лучших учеников двух красавиц дочерей, вышел в отставку и теперь

искренне удивлялся: куда ушло время его жизни, на какие такие великие дела были растражжены блестящие талеры дней?

Об этом (и о многом другом, конечно) он беседовал со своим коллегой Фаустом за стаканом рейнвейна долгими вечерами, которые всегда казались обоим осенними – даже в мае и на Рождество.

Известно, что от друзей таиться нелегко, а уж от соседей – и подавно; Фауст щадил чувства коллеги и не хотел посвящать его в самую жуткую из своих тайн, но доктор Петер был весьма наблюдателен и обладал проницательным умом. К нему вернулось былое умение блестяще формулировать вопросы, а Фауст быстро устал отпираться, так что смутные догадки Петера вскоре стали уверенностью, а потом – знанием.

Мефистофель не возражал. Уж он-то понимал, что посвященные в его секреты чаще становятся клиентами, чем экзорцистами. В облике черного пуделя обнюхал Петера и помочился во всех углах его сада: пометил, так сказать, территорию. На всякий случай.

Наблюдая за помолодевшим приятелем, втайне завидуя его юношеской резвости, от души сочувствуя его падению, Петер почти сразу понял, в чем была главная ошибка Фауста. Сосед, можно сказать, добровольно положил голову на пла-

ху. Молодость – не только пора надежд и наслаждений, но и период величайшей уязвимости. Никогда не бывает человек столь глуп и незащищен, как в юности. Опыта желаниями и мечтами, он принимает собственную безалаберность за могущество, телесную бодрость полагает гарантией бессмертия, а легкомыслие кутилы кажется ему мудростью философа – ничего удивительного, ошибиться тут действительно легко.

Трагедия Фауста не произвела на Петера особого впечатления. То есть он жалел друга, но сам не оробел, не дрогнул, а лишь утвердился в верности своего решения. Выбрал день и час, наиболее подходящие для роковой сделки, заранее написал завешание, разумно распределив свое имущество между родней, сжег бесполезные теперь рукописи. Последние дни посвятил играм с внуками. Присматривался к ним, наблюдал, анализировал и все яснее понимал, что сделал единственно правильный выбор.

В назначенный день и час доктор Петер начертил пентаграмму и произнес должное заклинание. Ни рука, ни голос не подвели старика. Бес говорил с ним, как со старым приятелем, радуясь легкой добыче. Но когда Петер сформулировал свое желание, Мефистофель взвыл от досады. Опыт прежних удачных сделок свидетельствовал: чтобы погубить человека, обычно достаточно выполнить его самое заветное желание. Но заветное желание доктора Петера вовсе не су-

лило погибели; хуже того: бес прекрасно понимал, что исполнение его сделает новоявленного чародея неуязвимым.

Мефистофель, конечно, не хотел уступать. Долго убеждал Петера, что тот совершает фатальную ошибку. Запугивал, лгал, льстил, искушал. Но доктор Петер оставался тверд. Он и всегда-то был упрямым, каких мало, а уж тут стоял на своем, как скала. Требовал для себя вечного детства. Заранее корчил рожи и показывал бесу язык. Дразнился, как мальчишка. Знал, что сила отныне на его стороне.

Просьба его в конце концов была исполнена. Справедливости ради следует сказать, что доктору Петеру никогда не приходилось жалеть о своем решении. Ну, скажем так – почти никогда. Минута слабости бывает у кого угодно, но у мальчишек она гораздо короче, чем у взрослых мужчин.

Соседи некоторое время гадали: куда мог подеваться старый Петер, наш уважаемый, всеми любимый доктор Петер? Но поскольку скандалом тут и не пахло, дочери и зятя пропавшего без вести сохраняли невозмутимость, а завещание было составлено по всей форме, все решили, что эксцентричный англичанин отправился умирать на родину. Как это часто бывает, вскоре нашлись свидетели, собственными глазами видевшие, как почтенный профессор Питер Пэн нанимал карету до портового города Гамбурга.

Видение Гюльви

– Про этого деда, – сказал Жеглов, – я и без картотеки все наизусть помню. Среди ночи меня разбуди, все его поганные кликухи тут же выложу. Значица так, проверяй. Санн, и Свипуль, и Саннгеталь тоже, Бильейг и Бальейг, Бёльверк и Фьёльнир, Хертейт и Хникар, Гримнир и Грим, Глапсвинн и Фьёльсвинн; Сидхётт, Сидскегг, Сигфёдр, Хникуд, Альфёдр, Вальфёдр, Атрид и Фарматюр...

– Ну ты даешь, – уважительно присвистнул Шарапов и снова уставился на фотографию седого одноглазого старика в широкополой шляпе.

Принцесса, рыцарь, дракон

– Я боюсь, – сказала она. – Я не хочу. Не сегодня. Потом.

Это было правдой лишь наполовину. Она, конечно, боялась, но желание понемногу становилось сильнее страха. И вот это было по-настоящему ужасно – обнаружить, что внутри тебя живет своей жизнью некое причудливое желание, которое не подчиняется ни воле, ни рассудку, можно сказать, само себя хочет, не интересуясь твоим мнением на сей счет. Ей, с детства избалованной чужим повиновением, было очень непросто смириться с непокорностью, пусть даже собственной. Особенно собственной.

– Не бойся, пожалуйста, – попросил он. – Ты каждый день говоришь «потом». А время работает против нас. Чем дальше, тем труднее будет начать. Еще немного, и я, пожалуй, тоже научусь бояться. Давай, а?

– Но я никогда этого не делала!

– Я, сама понимаешь, тоже. Но все будет в порядке, я тебе обещаю. Природа возьмет свое, это у нас в крови.

– В крови у него, видите ли, – сердито сказала она.

Помолчали.

– Ты очень хочешь? – наконец спросила она. – Очень-очень?

Он кивнул. Подумал и добавил:

– Но если ты очень не хочешь, тогда ладно. Не сегодня.

Он был настоящий рыцарь. И почитал своим долгом носить с прекрасной дамой как с писаной торбой, даже вопреки собственным интересам. Даже так – особенно вопреки. Поэтому ее мнение всегда было решающим. Сильный должен повиноваться, потому что он может все, – так он для себя решил.

Снова помолчали.

– А может быть... – начал он. Собрался с духом и выпалил: – Вот прямо сейчас? Раз – и все!

– Нннну дддда, – запинаясь сказала она. У нее стучали зубы. – Ннннаверное.

Но тут же взяла себя в руки, улыбнулась, вздернула подбородок, поглядела на него почти снисходительно, почти сверху вниз.

– Ну так чего же ты тянешь? Давай!

Юный двухголовый дракон наконец сделал шаг, отделявший его от края скалы. Как и следовало ожидать, он не упал, а взмыл в небо.

Одна его голова звонко хохотала от счастья и облегчения.

– Вот видишь, моя принцесса, – твердила вторая голова, – вот видишь, все у нас получилось.

Тексты Бориса Цаплина⁴

Умная Эльза

Невеста Гансу очень нравилась – рослая, румяная, с длинной, тяжелой белокурой косой. Даже задумчивость красила ее, хотя, конечно, непривычно видеть у молодой девицы такой неподвижный, устремленный куда-то внутрь себя взгляд. Интересно, о чем она все время думает? – гадал Ганс. Впрочем, о чем еще и думать невесте, как не о будущей свадьбе. Поженимся – сразу развеселится, – решил Ганс. – Не о чем тут волноваться.

И с родителями Эльзы, он сразу понял, легко будет поладить. Мать Эльзы, такая же румяная, как дочка, но веселая и приветливая, неутомимо хлопотала у стола, а отец, по-приятельски подмигнув будущему зятю, сказал:

– Такое дело не грех отпраздновать. Сбегай-ка, дочка, в погреб за пивом.

⁴ Эти мифоложки были опубликованы в романе «Ключ из желтого металла» в качестве рассказов писателя Бориса Цаплина, чью книгу главный герой получает в подарок и время от времени читает, открывая наугад. Поскольку содержание рассказов никаким образом не связано с сюжетом романа, а Борис Цаплин не возражает, мы сочли возможным (и даже необходимым) опубликовать их в этой книге.

Эльза кивнула и поспешно вышла из комнаты.

Минут через пять родители Эльзы начали беспокоиться. Куда подевалась эта негодная девчонка? Не такое долгое дело – нацедить кувшин пива. И какое впечатление это произведет на жениха? Кто захочет жениться на такой нерасторопной корове?

– Пойду, погляжу, как там она, – наконец сказала мать.

– Погоди. Я с тобой, – отец тяжело поднялся из-за стола.

Ганс ничего не стал говорить. Но пошел следом.

Эльзу они увидели сразу же. Она и не думала прятаться. Сидела на стуле подле бочки, пиво давным-давно перелилось через край кувшина, и теперь у ног Эльзы плескалось пенное, хмельное озерцо, но девушка его не замечала. Она плакала, да так горько, что мать забыла, как собиралась отругать нерадивую девчонку, всплеснула руками, метнулась к дочери:

– Что случилось, дитя мое? Почему ты плачешь?

Эльза подняла на нее красные от слез, постаревшие, угасшие глаза и, преодолевая рыдания, заговорила:

– *Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела...*

Рассказывают, о счастливый царь, что один человек из паломников заснул долгим сном, а когда он проснулся, то не увидел даже следов своих спутников. И он поднялся и пошел и сбился с дороги и, пройдя немного, нашел палатку. И у входа в палатку он увидел старую женщину, а подле нее заметил спящую собаку. И человек приблизился к палатке и приветствовал старуху и попросил у нее поесть, и старуха сказала: «Пойди в ту долину и налови змей, сколько будет тебе нужно, а я их изжарю и накормлю тебя»⁵.

Шахрияру было скучно. Он и в детстве-то не слишком любил сказки, а повзрослев, и вовсе перестал находить в них удовольствие. Что за напасть, думал он, почему всемогущий Аллах не сотворил эту прекрасную женщину немой?

...Дошло до меня, о счастливый царь, что человек-паломник напился из ручья горькой воды, так как его поразила великая жажда, а потом он вернулся к старухе и сказал ей: «Дивлюсь я на тебя, о старуха, и на то, что ты пребываешь в этом месте и питаешься такой пищей и пьешь такую воду».

Шахрияр с трудом сдерживал зевоту. Интересно, думал

⁵ Здесь и далее фрагменты из книги «Тысяча и одна ночь». Использован «Рассказ о старухе и паломнике».

он, где она наслушалась этой ерунды? Или сама сочиняет, на ходу? Хотел бы я знать, она когда-нибудь выдохнется? Или наоборот, только войдет во вкус? И я буду слушать эту чушь каждую ночь, до конца жизни?

«Я слышала все это, – молвила старуха. – Скажи мне, бывают ли у вас султаны, которые судят вас и притесняют своим приговором, когда вы под их властью. А если кто-нибудь из вас согрешит, они берут ваше имущество и расточают его, а когда захотят, выгоняют вас из ваших домов и искореняют ваш род?» – «Это бывает», – ответил человек.

Иногда истории Шахразады становились настолько скучными и бессвязными, что Шахрияр спрашивал себя: может, и правда, пора позвать палача? Но достаточно было обернуться и увидеть, как дрожат почти невидимые капельки пота над ее верхней губой, как вдохновенно сияют испуганные глаза, как плавно движутся полные руки – какой уж тут палач, думал Шахрияр, тут впору звать имама, чтобы жениться на этой женщине второй раз, и третий, и пятый, снова и снова, тысячу раз готов я жениться на тебе, Шахразада.

Но вслух он этого, конечно, не говорил.

...Дошло до нас в преданиях, что аль-Хаджжаджу ибн Юсуфу подали однажды просьбу, в которой было написано: «Бойся Аллаха и не притесняй рабов Аллаха всякими притеснениями». И когда аль-Хаджжадж прочитал эту

просьбу, он поднялся на мимбар (а он был красноречив) и сказал: «О люди, Аллах великий дал мне над вами власть за ваши деяния...»

Шахразада продолжала дозволенные (а куда денешься?) речи, а Шахрияр терпеливо слушал. Он старался казаться очень внимательным и благодарным слушателем, не отводил глаз от рассказчицы и никогда ее не перебивал, а когда она, бледнея от волнения, спрашивала, желает ли господин узнать продолжение истории, милосердно соглашался: да-да, еще как желает, непременно, завтра же, сразу после ужина.

Он очень хотел ей понравиться.

Если все-таки догонит

И. Матвееву⁶

– А если все-таки догонит? – снова спросила Черепаха. Зенон схватился за голову.

– Тысяча триста восемнадцатый раз повторяю... – начал он.

– Не преувеличивай, тренер. Всего сто пятьдесят девятый, – Черепаха поджала губы. – И ты меня пока не убедил.

– Не догонит! – простонал Зенон. – Мамой клянусь, не догонит!

– Не убедил, – повторила Черепаха. – Тебе хорошо рассуждать, ты философ. А мне каково? Что будет с моей спортивной репутацией, если он меня все-таки догонит?

– Чего ты от меня хочешь? – вздохнул Зенон.

– Мне было бы спокойнее, если бы в день состязаний он слегка прихрамывал, – осторожно сказала Черепаха. – Со всем чуть-чуть. Ничего серьезного. С тем, кто носит сандалии на босу ногу, всякое может случиться. Например, в сан-

⁶ Иван Матвеев – автор большого цикла превосходных мифоложек про Ахиллеса и Черепаху. Отдельные рассказы этого цикла (всего их, если я не ошибаюсь, уже больше сотни) публиковались в разных сборниках ФРАМа. Тексты Матвеева настолько хороши, что я, как постоянный читатель его цикла, не могу избавиться от ощущения, будто Ахиллеса и Черепаху, не говоря уже об известной апории Зенона, сам Матвеев и выдумал.

далию может попасть острый камень. Или, скажем, стрела...

– Что?! – Зенон не верил своим ушам.

– Стрела, – невозмутимо повторила Черепаха. – Вражеская, разумеется. В последнее время вокруг так много вражеских стрел! Летают и летают. Когда человек идет на войну, надев сандалии на босу ногу, он подвергает себя большой опасности. И если ему в пятку попадет стрела, никто не удивится... Ну что ты так на меня смотришь? Я же не предлагаю стрелять ему в сердце. От ранения в пятку еще никто не умирал. А мне будет спокойнее.

– Ладно, – сказал Зенон, – не ной. Я поговорю с Парисом.

О Золушке

– Ну и чего ты реवेशь? – спросила Фея.

– Потому что все закоооо... закоооо... кончилось!

Золушка рыдала так бурно, что едва могла говорить. И уж тем более слушать. Фея решила подождать. Пусть крестница немного успокоится.

Несколько минут спустя Золушка звучно высморкалась в передник и почти спокойно сказала:

– Он... Он был такой милый. Такой добрый. Он понимал меня без слов. И такой красавчик! Я была так счастлива. Но все закончилось, когда часы пробили полночь. И мне теперь незачем жить.

– Как это – незачем? – изумилась Фея. – Дурочка, ты что, не поняла? Ничего не закончилось, все только начинается. Принц от тебя без ума, о другой невесте и слышать не хочет. Подобрал на лестнице твою туфлю, надеюсь, у его папаши хватит ума пустить по следу хорошо обученную розыскную собаку... Ну, так или иначе, а принц всерьез намерен тебя искать. И найдет, вот увидишь. И дело в шляпе.

– А при чем тут принц? – дрожащим голосом спросила Золушка. По ее щекам снова потекли слезы, но на бурные рыдания уже не осталось сил.

– Как – при чем? – опешила Фея. – Сама же говоришь – красавчик. К тому же добрый, милый, все понимает...

– Да нет, – отмахнулась Золушка. – Принц отлично танцует, но это, пожалуй, единственное его достоинство. Я говорю о кучере.

Она достала из кармана передника толстую печальную крысу, нежно поцеловала в макушку и протянула Фее.

– Скажите, крестная, с этим что-нибудь можно сделать?

Великолепная семерка снова, и снова, и снова

Примерно раз в несколько лет Крис (Юл Бриннер) узнает, что в спасенной им сотоварищи деревне опять приключилась ужасная херня. Собирает новую команду, отправляется на выручку, три-четыре ковбоя, как положено, гибнут, Крис (Юл Бриннер), как положено, остается жив, деревня, как положено, спасена, все танцуют.

Крис (Юл Бриннер) переезжает с места на места, пробует разные новые занятия, богатеет и разоряется – это ничего не меняет. Регулярные сообщения о неприятностях в роковой деревне находят его везде; однажды новость настигает его в глубине Африканского континента, в другой раз – в разгар избирательной компании, когда Крис (Юл Бриннер) баллотируется на пост губернатора Айовы. Покорный судьбе Крис (Юл Бриннер) всякий раз бросает свои начинания и отправляется спасать проклятую деревню.

Состарившись и почуяв приближение смерти, Крис (Юл Бриннер) задается вопросом: кто будет спасать деревню, когда его не станет? Не в силах смириться с печальным ответом, Крис (Юл Бриннер) собирает своих старых соратников, чудом уцелевших в предыдущих сериях. (Серий много,

и всякий раз в живых кто-нибудь да остается, поэтому компания набирается вполне внушительная.) Под покровом ночи старики приезжают в роковую деревню, сжигают ее дотла, убивают все население, включая грудных младенцев, режут скот и на всякий случай истребляют мышей и выводят тараканов. По окончании санитарной обработки Крис (Юл Бриннер) умирает от старости на пепелище, впервые в жизни ощущая подлинное умиротворение.

Дикие лебеди

– Это выглядело... ммм, – король замялся, подбирая подходящее слово. – Эффектно. Да, очень, очень эффектно.

– Думаю, что так, – вежливо согласился принц Карл, старший из братьев.

– Люди никогда не забудут это происшествие, – не унимался король. – Вообразите, господа, даже после того, как все мы умрем, потомки людей, бывших сегодня на площади, станут рассказывать о нас своим внукам!

– Такой исход весьма вероятен, – флегматично подтвердил принц Эдвард, не то четвертый, не то седьмой по старшинству, это король никак не мог запомнить. Когда у вас вдруг появляется целых одиннадцать новых родственников, похожих друг на дружку, как и положено родным братьям, даже их имена непросто вот так сразу выучить, а уж в каком порядке они на свет родились...

– Вы, надо думать, очень рады? – король старался придать беседе с братьями жены непринужденный тон, создать теплую, дружескую атмосферу. Но принцы пока были весьма сдержаны в проявлении чувств.

Вероятно, это потому, что в момент нашего знакомства я собирался сжечь на костре их сестру, – думал король. – Прискорбное недоразумение, конечно, тут же уладилось, все прощено и забыто, но осадок-то остался, мальчиков можно

понять. Ничего, мы еще станем друзьями, просто надо прилагать к этому усилия.

– Уверен, вы счастливы, что снова превратились в людей, – заключил он.

Принцы переглянулись.

– Да не то чтобы, – нерешительно сказал принц Георг.

– Понимаете, – вмешался принц Людвиг, – мы и так ежедневно превращались в людей. На закате. Очень удобно. Птицы по ночам все равно спят, а у людей в это время происходит самое интересное.

– Но, если я правильно понял, на рассвете вы снова превращались в птиц? – уточнил король. – И так каждый день?

– Да, – хором подтвердили принцы. Лица их сделались мечтательными, глаза туманились от сладких воспоминаний.

– Это было прекрасно! – вздохнул наконец принц Генрих. – Надеюсь, когда-нибудь мы снова...

По его щеке скатилась слеза.

– Держи себя в руках, Анри, – строго сказал старший принц. – И вы, братья. Не надо отчаиваться. Матушка что-нибудь придумает.

– Вы говорите о вашей мачехе? – уточнил король. – Которая вас заколдовала? Элиза рассказала мне эту ужасную историю, пока я отвязывал ее от столба.

– Да, я примерно представляю, что могла рассказать Элиза, – принц Карл неодобрительно поджал губы и умолк.

– Видите ли, – осторожно сказал самый младший принц,

тот, у которого вместо одной руки по-прежнему было крыло, – Элиза, при всех ее недостатках, славная девочка. Мы ее очень любим. Мы даже готовы простить ей то зло, которое она нам причинила. Хотя, конечно, взойти на костер, лишь бы подманить нас поближе и закидать этими ужасными колдовскими рубахами – это был шантаж высшей пробы... Но это наше семейное дело, разберемся. А вы, зять, просто имейте в виду: версия Элизы – это всего лишь версия Элизы. Понимаете, бедняжка так и не смогла смириться с тем фактом, что в нашей большой, дружной семье только у нее одной нет решительно никаких способностей к оборотничеству. Конечно ей было обидно!

– Завидно, – поправил его старший брат. – Если уж взялся говорить, называй вещи своими именами.

Волки

Я думаю, все-таки тот мальчишка из соседней деревни был дурак и паникер. Многие до сих пор считают его лгуном, но это несправедливое обвинение, он все время говорил правду, я точно знаю. Волки у них на околице часто крутятся, наверняка мальчишка видел как мелькают в зарослях серые хвосты, но – бежать, вопить, звать на помощь? Ни ума, ни выдержки, ни чувства собственного достоинства, позорище. Неудивительно, что все так печально закончилось. Сожалею, но тут уже ничего не изменишь.

Когда очередной мальчишка теряет голову при виде серого хвоста и начинает бегать с воплями: «Волки, волки!» – обычно он говорит правду. Я не одобряю такого поведения, но я им верю. В наших краях полно волков, я вижу их очень часто, да что там, почти всегда, почти везде. Вот и сейчас несколько пар внимательных глаз следят за мной из зарослей. То ли их так много развелось в наших краях, то ли воображение мое разыгралось не на шутку. Не то чтобы я себе не доверяю, просто допускаю возможность, что некоторых волков не видит никто кроме меня. Что, впрочем, не мешает серым хищникам таскать овец, стоит мне отвернуться.

Поэтому я стараюсь не отворачиваться.

Помощь мне не помешала бы, но ждать ее особо неоткуда. Кто видит волков, тот их и гоняет, а значит, это моя работа, я – последняя инстанция. Если смогу – отобьюсь, а не смогу – что ж, наймут нового пастуха. Наверное. А как еще. Всегда находится кто-то, способный разглядеть в зарослях цветущего шиповника волчий хвост.

А когда мне становится совсем неважно, потому что волки везде, вы понимаете, абсолютно везде, не только в зарослях за околицей, они бродят по улицам, заходят в дома, даже в моей спальне прячется невидимый пока, но зубастый зверь, выжидающий удобного момента, чтобы вонзить клыки в незащищенное горло моего свидения, – я не стану кричать и звать на помощь, это бессмысленно. В такие черные дни я беру в руки перо, пишу на клочке бумаги: «Волки, волки!» – кладу письмо в бутылку, запечатываю ее сургучом и кидаю в море. Если мне очень повезет, кто-нибудь, когда-нибудь, годы спустя, разберет мои каракули, и помолится за меня.

Но это – все.

Проспект Андерсена, 8

От автора

Это, по идее, должен был быть довольно большой цикл рассказов о событиях в жизни жильцов дома, расположенного по адресу: Проспект Андерсена, дом 8. Название настолько говорящее, что вряд ли имеет смысл дополнительно разъяснять, в чем, собственно, состоял замысел. Что касается номера дома, для него, конечно, можно придумать какую-то дополнительную смысловую нагрузку. Например, сказать, что восьмерка похожа на перевернутый знак бесконечности – это первое, что приходит в голову. Но, честно говоря, никакого дополнительного смысла тут нет. Просто – ну, таков точный адрес места действия. И я его почему-то знаю.

Идея протащить андерсеновские образы в повседневную реальность и поглядеть, как они станут себя вести, оказалась вполне плодотворной, если говорить о качестве рассказов, и совершенно непродуктивной, если говорить об их количестве. Три рассказа было написано в 2005 году, еще один (про Старую Даму) – год спустя, в 2006, и на этом цикл почему-то завершился. А мне-то казалось, в этом доме еще много заселенных квартир.

Впрочем, я совершенно не удивлюсь, если еще несколько лет спустя вдруг появятся новые истории о жильцах дома номер 8 по Проспекту Андерсена, так иногда бывает.

А иногда – не бывает.

Девочка со спичками

Квартира 13

Работы у нас зимой всегда хватает, но перед Рождеством и сразу после – это что-то! Труднее, думаю, только Санта-Клаусам, да и то не факт. Зато и оплата тройная. Надбавка за праздничные дни, это раз. Плюс за неблагоприятные погодные условия. Ну, это всегда, если температура на улице ниже плюс пяти; а когда идет дождь или, чего доброго, снег – тем более. А еще иногда бывают спецзаказы, особенно на Рождество. А это уже не шутки, это целых три утроенных гонорара за одну поездку. Хорошо, что Анжелика установила строгую очередь на спецзаказы, а то мы бы давно за них перегрызлись. Хотя вообще-то девчонки у нас дружные подобрались. По сравнению с нашим классом, так вообще супер, лучше не бывает. Я с тех пор, как пошла сюда работать, с девчонками из класса только здороваюсь, ну еще из школы домой иногда вместе ходим, а так – ну их. Вредные и говорить с ними не о чем. Разве только о тряпках, и на кого Ян из выпускного класса посмотрел, и кому директриса снизила итоговую оценку. Нечего сказать, увлекательно.

У нас тут девчонки в сто раз лучше. С ними интересно. Иногда даже обидно бывает уходить: все так хорошо разговорились, а тебя как раз клиент ждет. Так потом ночью звонишь кому-нибудь, кто в офисе после тебя остался, и застав-

ляешь все по новой пересказывать, хотя это уже немножко не то. А все-таки.

Но на Рождество не до разговоров, на Рождество у всех полно работы, и спецзаказов тоже хватает на всех, так что каждой достается хотя бы один. А иногда и два. Мне повезло, я была в самом начале очереди, поэтому сегодня пойду на второй рождественский спец. Будет маме такой новогодний подарок, что она упадет. Хотя, если бы мама узнала про спецзаказ, ну и вообще про работу, она бы еще раньше упала. И меня уронила бы заодно. Пару раз.

Но мама не узнает. Откуда бы?

Анжелика у нас все-таки молодец. Понимает, что у всех мамы-папы и другие родственники. Которым, конечно, очень нравится, что после уроков мы не шляемся где попало, а зарабатываем деньги. Еще больше им нравится, когда какую-то часть этих денег мы приносим домой. Но при этом им хотелось бы думать, что на работе мы занимаемся какой-нибудь детсадовской ерундой – правильно, за деньги. Например, печем печенье или, ну не знаю, вышиваем. Крестиком. И еще ноликом, ага.

Анжелика все это прекрасно понимает, сама, небось, когда-то точно так же от мамы пряталась, поэтому теперь делает вид, будто мы все тут мастерим игрушки. Такие, знаете, экологически чистые уродцы из тряпочек, деревяшек и сосновых шишек. Если кто вдруг зайдет, хотя это у нас не приветствуется, увидит большой круглый стол, заваленный щеп-

ками, лоскутками и прочей ерундой. Мы действительно иногда мастерим игрушки – в те вечера, когда совсем нет клиентов. Чтобы было чего приносить изредка домой и дарить мамам. Вот, дескать, разрешили одну игрушку себе взять. За хорошую работу. Мама, что самое поразительное, заполучив в дом экологически чистого уродца, всякий раз искренне радуются. Хотя, казалось бы, совершенно бесполезная вещь.

– Лола, ты готова? – спрашивает Анжелика. – Через пять минут выходить, а ты...

– А я готова-готова-готова! Одежда – на мне! Товар – при мне! Капсула – как всегда!

От избытка чувств я не говорю, а кричу ритмично, практически рэп читаю. Еще и подпрыгиваю, и кружусь по комнате, роняя на пол шишки и деревяшки.

– Тогда сделай одолжение, перестань выглядеть такой счастливой.

Анжелика очень старается быть строгой. Так старается, что еще немножко, и я ей поверю.

– Понимаю, – говорит она. – Каникулы, праздник, мама пирог печет с корицей, завтра с утра в кино, потом по магазинам с подружками. Все мне с тобой ясно, дитя мое. Но никому больше это быть ясно не должно. Соберись.

– Я в машине соберусь, честно-честно, – обещаю. – Мы же ехать полчаса, наверное, будем.

– В лучшем случае, – кивает моя начальница. – В городе ужас какой-то творится. Все как с цепи сорвались, поехали

по магазинам за подарками... Ладно, ни пуха тебе.

И как только я открываю рот, чтобы ответить: «К черту», — за окном начинает бибикать машина, и я пулей лечу во двор.

За рулем нынче Ник — уж если везет, так везет! Из всех наших водителей самый симпатичный и вообще хороший. Они все ничего, но Ник — это Ник. Если бы можно было как-то устроить, чтобы двадцать пять лет назад его родила не чужая тетя, а моя мама, был бы у меня самый лучший на свете старший брат. Такого обо всем можно расспросить, и позвать, если во дворе обижают, и пожаловаться на неприятности, о которых маме не очень-то расскажешь. Но Ник уже однажды родился — не у моей, а у своей собственной мамы, и это его единственный серьезный недостаток.

— Ты чего такая довольная, Ло? — спрашивает он. И сам же отвечает: — А, ну да. Спецзаказ. Полтора часа, как обычно?

— Час, — гордо говорю я. — Всего час за те же бабки, прикинь.

— Да, ты у нас везучая, — соглашается Ник. — Поехали?

— Ну.

И мы едем-едем-едем — не в далекие края, конечно, а всего лишь на улицу Длинную, в ту ее часть, которая граничит со Старым городом. Самый «фешембельный», как говорит мой дедушка, район. В смысле самый дорогой. А то! У нас, по-моему, четверть клиентов с этой самой Длинной. Если не треть. Останавливаемся за два квартала от дома заказчика, все как положено. Надо, чтобы я на место пешком пришла,

иначе несерьезно.

– У тебя еще пятнадцать минут, – говорит Ник. – Быстро доехали. Перекур?

Он знает, что я сама не курю, но люблю, когда пахнет дымом. Если хорошие сигареты, конечно. Когда я была совсем маленькая, и папа еще жил с нами, бегала за ним на кухню и на балкон – нюхать, как он курит. А теперь вот нюхаю, как курит Ник. Вот смеху будет, если я, после всего, выйду замуж за кого-нибудь некурящего! Придется тогда немножко изменять мужу, нюхать иногда чужой дым на чужих кухнях, или в чужих машинах, вот как сейчас. Но это, наверное, никому не обидно, а значит, можно.

– Ты капсулу-то взяла? – спрашивает Ник. – Самое главное.

– Ну а как ты думаешь? Я же не совсем дура.

– Не совсем, – ухмыляется Ник. И добавляет печально: – Не нравится мне, что ты эту пакость глотаешь. Вернее, вы все...

Как маленький прямо. Не понимает простых вещей, и все тут.

– Капсула совершенно безвредная! – в который раз объясняю я. – Анжелика еще потом такой сироп дает... ну или не сироп, не знаю. Сладкое что-то, короче. И сразу все проходит, даже ноги не ватные.

– Ага, «совершенно безвредная», – ворчит Ник. – Я, конечно, не химик. И даже не фельдшер. Но никогда не пове-

рю, что дрянь, от которой человек полчаса лежит, как паралитик, и почти не дышит, может быть безвредная.

Спорить с ним бесполезно, уж я-то знаю.

– В любом случае я их не каждый день жру. Спецзаказов хорошо если два-три в год. Неделя перед Рождеством, неделя после – и привет.

– И слава богу.

Ник затягивается сигаретой, выпускает дым кольцами – специально, потому что мне нравится.

– Ты там осторожно, – говорит он. – Если что-то не так, вызывай, я буду рядом, сразу прибегу. Телефон-то при тебе?

О господи, да он хуже моей мамы, честное слово. Только и счастья, что курит.

– Ну что, что там может быть не так?!

– Понятия не имею. Я знаю одно: когда люди платят деньги, чтобы им помогли сделать вид, будто они, не вставая из-за стола, кого-нибудь спасли, накормили и обогрели, они, может, полные придурки, но – пусть таких будет побольше. Я согласен. Которые просто хотят в праздничный вечер поглумиться над чужим несчастьем, чтобы кусок своего пирога слаще показался – ублюдки, каких свет не видел, но бояться тут нечего. А вот когда человек платит деньги за то, чтобы на глазах у его семьи и гостей кто-то умер... Не знаю, Ло. Не знаю, что и сказать.

– Да ну. Просто по приколу им, – говорю. – По приколу и все. Или гостей поугаать хотят. Это же лучше, чем идти и

кого-нибудь убивать.

– Умная ты, – сердито говорит Ник. – Даже слишком. Ну, удачи.

– Надо говорить...

– Ни пуха.

– К черту.

Выскакиваю из машины, иду – сперва вприпрыжку, но постепенно замедляю шаг, как будто страшно устала. Даже ко-солапить начинаю, как бы от слабости. У меня очень хорошо получается, кошусь на свое отражение в витринах и сама себе верю: какая бедненькая бедняжка! Хоть плачь. Маленькая, худенькая, ни за что не скажешь, что старшеклассница, в каких-то жутких лохмотьях, такие сейчас и в кино не увидишь, ножки тоненькие еле передвигает. Носик от холода красный, ручки, соответственно, синенькие – загляденье! Если бы я бы сама такую на улице увидела, в дом позвала бы горячий чай пить, а мама ее удочерила бы немедленно, без лишних разговоров – что я, свою маму не знаю?.. Ну и вот.

К дому заказчика я подхожу не просто вовремя, а – секунда в секунду. Это очень хорошо. Ник кое в чем прав: клиенты, которые делают спецзаказы, обычно страшно вредные и придиричivé. Хуже школьных учителей. Опоздаешь на две минуты, а они потом полгода с Анжеликой за деньги ругаются, дескать, за опоздание положен штраф, а им, соответственно, неустойка, бла-бла-бла. Не все они, конечно, такие, но многие.

А ко мне фиг придерешься. Заказывали на восемь – и вот она я, под их окнами в тот самый миг, когда бьют часы в гостиную. Мне даже с улицы слышно.

Я робко стучусь в окно первого этажа, откуда доносятся возбужденные голоса, звон бокалов и перестук вилок-ножей, лезу в карман драного пальто за товаром и терпеливо жду, когда окно распахнется и можно будет начать канючить: «Спички, купите спички!» Сейчас меня будут гнать прочь, стыдить, пугать полицией – а вот бить не будут, наши клиенты знают, что так можно нарваться на крупные неприятности. Зато браниться и грозить можно сколько угодно, в том, собственно, и соль.

А час спустя – да здравствует спецзаказ! – я разгрызу капсулу и упаду замертво, шепнув напоследок посиневшими от холода губами: «Счастливого Рождества!» Это наш фирменный трюк. Клиентам, говорит Анжелика, очень нравится.

Говорят

Квартира 16

Когда они начинают ссориться, я ухожу из дома. Потому что – ну невозможно же это слушать! И, конечно, бестактно. Впрочем, что бестактно – этому я только поначалу придавала значение. Когда еще думала, что вот сейчас они во всем разберутся, помирятся и будут жить-поживать, добра наживать, как в сказке положено.

Как в сказке, вот именно.

Черт, черт, черт!

Я уже давно больше не думаю, что они когда-нибудь помирятся. Потому что когда ругаются месяц кряду или, скажем, полгода даже, это – ну да, конфликт, война. Неприятно, и лучше бы так не было, но мало ли, как лучше. Главное что у всякой войны есть начало и – ура! – конец. Хоть какой-нибудь, но конец. Но это если война. А когда ругаются изо дня в день шестой год кряду, это уже никакая не война, а нормальное течение жизни. И некоторым вроде меня пора бы привыкнуть.

...И я, страшно сказать, почти привыкла. Насколько это вообще возможно. Каждое утро я просыпаюсь от их криков и, не заглянув даже на кухню, иду во двор. В конце концов,

умыться можно из колонки, а позавтракать в «Блинной» на углу. Блинчики там вкусные, и пирожки ничего, а к помойному «кофесмолоком» я уже давно привыкла. Кофеварки на моей кухне долго не живут, проверено. Последней была медная джезва, которую я нашла на барахолке года три, что ли, назад. День, помню, выдался холодный, но солнечный, воздух – как ледяная газировка, звонкий и злой. Я ужасно такое люблю – в смысле и газировку, и воздух. К тому же я тогда нацепила любимую брошь, мрачную, но на диво молчаливую – она у меня совсем старушка, теперь таких не делают. Мы с брошью, довольные друг другом, бродили по барахолке, слушали чужую досужую болтовню, улыбались, как две дуры. И так это было славно, что я вдруг опять поверила, что все у нас когда-нибудь наладится. Всего на минуточку, но поверила. Ну и тут же купила джезvu. Прямо помрачение нашло, иначе не объяснишь!

Джезва, ясное дело, продержалась у нас на кухне всего три дня, а потом у нее отвалилась ручка. Могло быть и хуже, между прочим, могло быть гораздо хуже. Пришлось подарить джезvu Марку из пятнадцатой квартиры, он припаял ручку на место, и порядок, хорошая же вещь. Марк до сих пор меня благодарит. Было бы за что. Сам должен понимать, я же не ему подарок сделала, я джезvu спасла. Она была красивая, полезная и чрезвычайно покладистая. Нечего ей делать у меня на кухне. Нечего.

...И мне там нечего делать, поэтому каждое утро я ухожу завтракать в «Блинную». А иногда Нина с первого этажа выглядывает из окна и зовет меня выпить чаю с вареньем. Вот и сегодня выглянула, позвала. Она живет как раз под нами, поэтому все слышит, кто бы сомневался. И все понимает. Ну, то есть мне приятно думать, что Нина все понимает, и поэтому я себе каждый день очень убедительно говорю: «Нина все понимает», – потому что пить чай с человеком, который не понимает ничего, довольно непросто. Особенно если учесть, что крики из нашей кухни превосходно тут слышны – хоть в гостиной запирайся, хоть на веранду выскакивай, никуда от них не денешься.

Иногда Нина спрашивает: «Ты никогда не думала о том, чтобы?..» Потом видит выражение моего лица и умолкает. Дескать, что тут скажешь.

Еще бы я не думала! Я каждый день только об этом и думаю – переехать. Удрать отсюда, куда глаза глядят, и пусть сами без меня разбираются. Но ясно же, что без меня они пропадут. То есть и так вполне пропащие, это да, но без меня пропадут окончательно и бесповоротно, закончат свои дни на ближайшей помойке. Я не преувеличиваю ни капельки. Просто называю вещи своими именами. И терплю – ну, пока терплю. Сколько смогу, столько и буду терпеть. И еще немножко. А потом, глядишь, привыкну к тому, что этот

кошмар и есть моя жизнь. Моя. Жизнь. Убиться веником.

Веник, к слову сказать, орет громче всех. Так что его не только у Нины в прихожей – на улице слышно. Доказывает, что чистота превыше всего, все вокруг – мерзкие сосуды грязи, и только он тут – главный служитель чистоты. Бескорыстный, преданный, мужественный. Половину прутьев в битве за чистоту растерял, между прочим. Чего и всем желает.

Ну да, было дело, растерял. Еще в те блаженные времена, когда я могла зайти на собственную кухню, попросить Чайник на минутку отвлечься от философского спора с семейством Тарелок, наполнить его Водой и поставить на Огонь, который – сейчас трудно в это поверить! – не отказывался разгораться, пока все окружающие не принесут ему извинения за обидные слова Зеленой Кружки, сказанные сгоряча, лет пять назад, в споре, суть которого давным-давно погребена под грудой куда более актуальных склок.

– Вам хорошо рассуждать! – теперь из моей кухни доносится пронзительный визг Ванильного Сухарика. – Разглагольствовать! Болваны самодовольные! Тупые, сытые обыватели! А меня! Скоро! Съедят! Думаете, я не знаю, зачем люди покупают таких благоуханных, как я? А вы-ы-и-и-и!..

– Да кому ты нужен, кроме меня? – насмешливо спрашивает Мусорное Ведро. – Она тебя уже второй год не ест, а теперь и подавно не притронется. Так что рано или поздно,

а будешь ты мой!

«Вот, кстати, да, – мстительно думаю я. – Вот возьму и выкину. Одним крикуном все-таки меньше. А если еще Венник на улицу выставить, а Чайник отвезти к маме...»

Нина вздыхает и подвигает мне блюдо с вишневым вареньем.

– Не надо бояться, – говорит одна из Вишенок своим сестрам. – Сейчас будет немножко больно, зато потом мы увидим Бога.

Подумать только. У некоторых даже варенье все понимает и не мешает людям себя жрать. Даже варенье! А я... а у меня...

И я реву, уткнувшись лбом в мягкое плечо Нины.

– Бедная деточка, – говорит Нинин Передник. – Бедная деточка.

Так ждал

Квартира 18

– Он сегодня опять придет? – спрашивает Линда.

– Ты устал, – говорит она. Помолчав, добавляет: – И я устала.

Ну да. Она устала видеть, как я устаю. Обычное дело, когда люди долго живут вместе, но по-прежнему не совсем равнодушны друг к другу. «Не совсем равнодушны» – о да, это про нас.

– Наверное, придет. Куда он денется? – вздыхаю я, с трудом подавляя чудовищный зевок.

Отворачиваюсь к окну. Беру сигарету. Курю. Молчу. Потому что не о чем тут говорить. Не о чем.

– Ну, то есть объяснять ему ты ничего не будешь?

Пожимаю плечами. Зачем в сотый раз задавать один и тот же вопрос? К тому же совершенно бессмысленный. Хотел бы я посмотреть, как она стала бы объясняться – на моем-то месте.

– Ты так долго не выдержишься, – говорит Линда. – Я же вижу. Три часа сна в сутки – это не дело. Ты так загнешься.

– Не преувеличивай. Никто никуда не загнется. Просто надо все-таки приучить себя спать днем, – говорю я. – И вечером, после работы. Пару часов утром, пару часов вечером и час... ну ладно, хотя бы полчаса днем, в обед. Говорят, ес-

ли привыкнуть к такому режиму...

Заканчивать фразу у меня нет сил, да и ни к чему. Я почти каждый день это говорю – а толку-то? От университета до дома рукой подать, пересечь площадь, и все, пришел. За три минуты можно, если быстрым шагом. А бегом и вовсе за две. Поэтому я часто обедаю дома. Теоретически можно было бы обойтись без еды и подремать часок на диване в гостиной, сон гораздо важнее пищи, это вам каждый скажет.

Можно-то можно, но лишь теоретически. Потому что сна у меня днем ни в одном глазу, только голова гудит и в глазах цветной туман. Эти явления изрядно портят жизнь, но заснуть не помогают, к сожалению. А такого снотворного, чтобы проспаться час, вернее, даже полчаса, а потом бодро вскочить и жить дальше, увы, пока не изобрели.

– Ну ладно. Ему ничего нельзя объяснить, предположим, – говорит Линда. – Хорошо. Тогда тебе надо уволиться.

О да. Блестящая идея. Просто блестящая.

– Пожить хотя бы пару месяцев по-человечески, – говорит она. – А лучше – год-другой. Выспаться, отдохнуть. В конце концов, у меня тоже есть профессия. И неплохая. А ты можешь давать частные уроки – по вечерам. Ну, в крайнем случае, переедем в квартиру поменьше, какие проблемы? Здоровье дороже.

Здоровье дороже денег, кто бы спорил. Проблема в том, что я люблю свою работу. Понимаю, звучит дико. Поверить в такое почти невозможно. Любить работу не принято, даже

неприлично. Я знаю, да-да. Тем не менее.

– Ты знаешь, что я не уйду из университета, – говорю я. – По доброй воле точно не уйду. Придется тебе завести интрижку с моим начальством. Лаской, хитростью и грубым шантажом многого можно добиться. Даже моего увольнения.

– Шутки у тебя, – ворчит Линда.

Интересно, что ей не нравится? Для человека, который спит стоя, с сигаретой в зубах, очень даже ничего себе шутки. Надо же делать скидку.

– Слушай. А может быть, я с ним поговорю? – осторожно спрашивает Линда. – Ты не думай, я очень вежливо поговорю. Скажу, как я рада, что он к тебе по-прежнему заходит. Как это замечательно. И осторожно намекну, что было бы еще замечательнее, если бы это происходило не каждый день. Вернее, не каждую ночь. Раза два в неделю ты бы вполне выдержал. И даже три, особенно если в выходные...

Зря это она. Такой был хороший вечер. Сперва мы собирались в гости, но вовремя передумали и поехали к морю. Линда вела машину, так что я немного подремал, и это пошло мне на пользу – в том смысле, что у моря гулял именно я, а не мой автопилот, которому все эти красоты, честно говоря, до лампочки. А мне, оказывается, все еще нравится. Скажу больше, рыбы и вина автопилоту тоже не досталось. Мне, все мне.

Вот и славно.

Славно-то славно, а вот завершить такой прекрасный вечер очередным разговором, который ни к чему не приведет – это она зря. Я знаю, знаю, любит, беспокоится, хочет помочь, я бы на ее месте тоже хотел помочь, но все-таки нужно держать себя в руках. Понять, что есть на свете вещи, изменить которые невозможно, смириться с этим и не делать хуже. Потому что и так все непросто. Более чем.

Линда, впрочем, быстро осознала свою ошибку и замяла разговор. Вот и умница.

Дома она сразу ушла в свою спальню. Хотя, как я понимаю, поначалу у нее были совсем иные планы. Но поскольку после вина я откровенно клевал носом, Линда решила дать мне шанс отдохнуть. Еще час как минимум у меня есть, вполне можно поспать – теоретически. А на практике обычно оказывается, что я только беспокойно ворочаюсь с боку на бок, то и дело нервно поглядываю на часы, молю их идти помедленнее, хоть и знаю, что Кронос – самое немилосердное божество, его ничем не проймешь.

И вот вам финал романтического вечера. Возлюбленная моя заперлась у себя в спальне, а я верчусь на холодных льняных простынях, как вертелась два часа назад на сковороде пойманная для нас рыба, воспаленными от бессонницы глазами разглядываю опостылевшие узоры на обоях, думаю тоскливо, что Линда кругом права, действительно, надо бы

ему объяснить, что я его очень люблю, и все такое, но на смену нашим ночам всегда приходят трудные дни, слишком трудные, по правде говоря, поэтому надо бы нам встречаться пореже – ну кто, кто, кто сказал, что он непременно должен приходить ко мне каждую ночь?! Но я, конечно, промолчу, потому что я болван, каких мало. Вот черт.

Я – да, болван каких мало. Потому что когда дверь наконец открывается с тихим скрипом, и знакомый голос заговорщически шепчет: «Просыпайся, Яльмар, сегодня мы приглашены на свадьбу, старая мышь из бакалейной лавки наконец-то выдает замуж свою бесхвостую внучку, собирайся скорее», – я просыпаюсь как миленький, хотя задремал всего десять минут назад. Радуюсь, что не стал снимать костюм, так что собраться – раз плюнуть, только обуться и отыскать кашне. Но он все равно нетерпеливо подпрыгивает, теребит свой дурацкий пестрый зонтик, всем своим видом вопрошая: ну сколько можно копаться?!

– Ты сегодня запоздал, Оле, – говорю я, завязывая шнурок. – А я так тебя ждал. Так ждал.

И коньки

Квартира 21

– Да, – говорю, – да, обязательно зайду в магазин, только сначала погуляю, ладно? Часа два или три, пока светло. Тебе же не срочно хлеб, тебе же на вечер?

Конечно, на вечер. И я выскакиваю опрометью, пока Тина не успела спросить, где это я, интересно, собираюсь гулять в дождь, – не потому что секрет и не потому что она не разрешит, она разрешит, просто я не люблю каждый день говорить одно и то же. Но и обманывать не люблю, вернее, люблю, но не всегда и не всех, и уж точно не Тину.

«Опять к Старой Даме побежала», – думает Тина. Она не глядит в окно, не видит, как я выскакиваю из подъезда и тут же ныряю в соседний. Она и так знает. Тина в общем не против, просто она не очень «за». Но виду не подает.

Я стучу в дверь, потому что звонок у Старой Дамы не работает. А потом сажусь на ступеньку и жду. Ждать надо долго. Старая Дама отлично слышит, но медленно ходит; к тому же она всегда останавливается возле зеркала и поправляет прическу. У Старой Дамы волосы белые-белые, совершенно седые, зато густые и кудрявые, она их очень аккуратно укладывает и заливает лаком, а потом все время поправляет, а если уж окажется перед зеркалом, начинает укладывать за-

ново; однажды мне целых полчаса пришлось ждать, но я никогда не уйду и второй раз не стучу, знаю, что рано или поздно она откроет.

Сегодня мне повезло, она открыла почти сразу, пяти минут не прошло. Наверное, мой стук как раз застал ее в коридоре, возле зеркала, когда прическа уже была в полном порядке, вот только завиток на лбу поправить и еще один, на виске.

Старая Дама очень красивая. Раньше мне казалось, старушки красивыми не бывают. Но это глупости – еще как бывают. Просто самые красивые старушки, наверное, тоже редко выходят из дома, и на лавочках они не сидят, и по магазинам не бегают, поэтому мы о них ничего не знаем. Я часто думаю: интересно, откуда Старая Дама берет еду? Ей кто-нибудь приносит? Или она все-таки сама покупает? Или просто ничего не ест? Меня во всяком случае она никогда ничем не угощает, кроме бесцветных, прозрачных, как льдинки, мятных леденцов, от которых такой приятный щекотный холодок во рту и в горле, а иногда кажется, что даже в голове, – очень здорово!

В квартире Старой Дамы очень холодно. Она не любит включать отопление. Даже в прошлом году, когда три дня подряд был самый настоящий мороз, и то не включила. Тина говорит, она экономит, отопление очень дорогое, а пенсия маленькая. Но мне кажется, Старой Даме просто не бывает холодно. Я иногда у нее дома в свитере и в шерстяных носках

дрожу, а она сидит себе в шелковом платье, и ничего ей не делается.

– Здравствуй. Молодец, что пришел, – говорит Старая Дама.

Она думает, я мальчик. Это, наверное, потому, что я всегда в джинсах и волосы едва закрывают уши. Наверное, когда Старая Дама сама была маленькая, девочки так не одевались. Это же ужасно давно было! Может быть, сто лет назад.

Старая Дама часто говорит: «Я так рада, что ты мальчик, девочки никуда не годятся», – а если я возражаю, не слышит или делает вид. Так что я уже и не очень-то возражаю, какая мне разница, кем она меня считает, главное, что пускает в гости, угощает мятными леденцами и рассказывает разные интересные вещи.

Она еще часто говорит: «Нынешние девочки никуда не годятся, потому что их воспитывают как прислугу. Вот меня воспитывали как принцессу, но теперь так не заведено». И еще много разного говорит Старая Дама про девочек и мальчиков, я ее не очень понимаю, если честно. Тем более что Тина меня вообще не воспитывает ни «как прислугу», ни «как принцессу», только следит, чтобы ноги и уши были чистые и десять новых английских слов в день, даже если воскресенье, и еще надо обязательно звонить, если задерживаешься, – и вроде все.

Но слушать Старую Даму ужас как интересно, даже когда непонятно.

А сейчас она говорит: «Ну что, займемся делом?» Я не прыгаю и не хлопаю в ладоши, потому что Старая Дама этого не любит, я знаю, — но только поэтому. «Займемся делом» — это значит, что мы пойдем в гостиную и будем собирать огромный паззл из тысячи кусочков или даже больше, я точно не знаю, но их очень, очень много. Вернее, это я улягусь на бледно-голубой, как глаза Старой Дамы, ковер и займусь паззлом, а она будет сидеть в кресле и рассказывать истории. Больше всего на свете я люблю слушать истории и возиться с мозаикой, а в гостях у Старой Дамы можно делать то и другое одновременно. А Тина еще удивляется, что я тут каждый день пропадаю, «как медом намазано», говорит она, хоть и знает, я мед терпеть не могу, не-на-ви-жу.

У меня дома, конечно, тоже есть паззлы, но они все уже по сто раз собраны и разобраны, я, наверное, с завязанными глазами уже могу их собирать, на ощупь, а слушать при этом приходится радио, потому что Тина вечно занята, я же понимаю.

В общем, никакого сравнения.

Сейчас я складываю старинную карту мира, она совсем не похожа на настоящую, где тут Европа, а где Африка — совершенно непонятно, а вместо двух Америк вообще нарисован маленький остров, а на острове стоит большой-пребольшой индеец, он там еле-еле помещается, умора. Старая Дама сидит в своем кресле и рассказывает, как училась в гимназии —

так раньше школы назывались, я знаю. Порядки у них были ужасно строгие, но, по-моему, все равно очень здорово было, например, никакой физкультуры, зато вместо нее уроки танцев, и еще в гимназии учили латынь, это такой мертвый язык, наверное, его специально придумали, чтобы разговаривать с мертвецами. Такая жуть!

Я ищу кусочек с рукой индейца, где-то же должна быть его рука! Может быть, даже с ножом или с копьем. Ищу и одновременно представляю, как Старая Дама, закрыв за мной дверь, принимается ждать других гостей. Ну конечно! В полночь к ней приходят мертвецы – поговорить. Потому что им же, наверное, ужасно одиноко. Мало того что умерли, так еще и латынь теперь дети не учат, и выходит, никто-никто из живых, кроме Старой Дамы, не понимает их мертвого языка. Очень обидно.

Я думаю, может быть, мне тоже выучить латынь? Не то чтобы так уж хотелось каждую ночь принимать в гостях мертвецов, я их, честно говоря, немножко боюсь. Или даже не немножко. Но это же нечестно, если их совсем никто не будет понимать. И потом, мертвецы, наверное, знают сто миллионов интересных историй. Вот пусть и рассказывают.

Но я еще немножко подумую. Трудно вот так сразу решиться.

В сумерках я прощаюсь и иду в коридор одеваться. Тина ждет, а мне еще за хлебом надо зайти. Старая Дама недовольна. Она не любит, когда я ухожу. Иногда я немножко боюсь: а вдруг она однажды меня не выпустит? Возьмет и не откроет дверь – и что тогда? И на окнах у нее решетки, красивые такие, кружевные, как снежинки, а не пролезешь ни за что. Но вообще-то, конечно, ничего страшного, Тина-то знает, где я сижу, ее не проведешь, если что, придет за мной сама. И даже не очень рассердится, поймет, что я не нарочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.